

В стольном городе во Киеве
У славного князя Владимира
Было пированье – почестный пир,
Было столованье – почестный стол
На многи князи, бояра,
И на русские могучие богатыри,
И «на» гости богатые.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире;
Владимир-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и бояра
И все русские могучие богатыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на триста жеребцов,
На триста жеребцов и на три жеребца похваленные:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И который полонян Воронко во Большой орде, -
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молодца Тугарина Змеевича;
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промеж обедней и заутренею?»
Как бы большой за меньшого хоронится,
От меньшого ему тут, князю, ответу нету.

Из того стола княженецкого,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиный сын;
И скочил на свое место богатырское,
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь ласковый Владимир-князь!

Нет у тебя в Киеве охотников
А и быть перед князем невольником!
Я похваюсь на триста жеребцов
И на три жеребца похваленые:
А сив жеребец, да кологрив жеребец,
Да третей жеребец полонян Воронко,
Да который полонян во Большой орде, -
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича;
Ехать дорога не ближняя,
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст,
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониные,
Что выметывать раздолья широкие;
А бьюсь я, Иван, о велик заклад,
Не о сте рублях, не о тысячу, -
О своей буйной голове».

За князя Владимира держат поруки крепкие
Все тут князи и бояра, тута-де гости корабельщики,

Закладу они за князя кладут на сто тысячей;
А никто-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка Черниговский,
А и он-то за Ивана поруки держит.
Те он поруки крепкие,
Крепкие на сто тысячей.
Подписался молоды Иван Гостиный сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшню белодубову,
Ко своему доброму коню,
К Бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечко.
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой добрый конь,
Бурочко косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь, не ведаешь, -
А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добрым конем;
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу –
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на триста жеребцов,
А на три жеребца похваленые:
Сив жеребец, да кологрив жеребец,
И третей жеребец полонян Воронко;
Бегати-скакать на добрых на конях,

Из Киева скакать до Чернигова
Промежу обедни-заутрени,
Ускоки давать конины,
Что выметывать раздолья широкие».
Провещится ему добрый конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковый мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся;
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь.
В задор войду – у Воронка уйду.
Только меня води по три зори,
Медвяною сытою пои
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочные,
И «пройдут» те часы урочные,
Придет от князя грозен посол
По тебя-то, Ивана Гостиного,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях;
Не седлай ты меня, Иван, добра коня,
Только берись за шелков поводок,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную, -
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговики в пять тысячей;

Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, Бурка, передом ходить,
Копытами за шубу посапывати
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасывати;
Князи, бояра подивуются,
И ты будешь жив – шубу наживешь,
А не будешь жив – будто нашивал».
По-сказанному и по-писаному:
От великого князя посол пришел,
А зовет-то Ивана на княженецкий двор.
Скоро-де Иван наряжается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
Которой шубе цена три тысячи,
А пуговики вальящатые в пять тысячей;
И повел он коня за шелков поводок.
Он будет-де, Иван, среди двора княженецкого,
Стал его Бурко передом ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасывати;
Князи и бояра дивуются,
Купецкие люди засмотрелися.
Зрявкает Бурко по-туриному,
Он шип пустил по-змеиному,
Триста жеребцов испужались,

С княженецкого двора разбежались.
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Золоту Орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-то и бояра испужались,
Все тут люди купецкие,
Окарачь они по двору наползались;
А Владимир-князь со княгинею печален стал,
По подполью наползались;
Кричит сам в окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иван Гостиный сын!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крепкие,
Записи все изодранные!»
Втапоры владыка Черниговский
У великого князя на почестном пиру
Велел захватить три корабля на быстром Непру,
Велел похватить корабли
С теми товары заморскими, -
«А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут».